

Приговоренный

Магия снова рвалась на свободу.

Ее музыка пела в нервах Гэра, как звуки в натянутых струнах арфы, обещала власть, которая отдавалась дрожью в его пальцах. Все, что он должен был сделать — принять ее, осмелиться сделать это. Он вжался лицом в согнутые колени и начал молиться. «Славься, Матерь, полная блага, свет и жизнь нашего мира! Блаженны кроткие, ибо в Тебе обретут силу они. Блаженны милостивые, ибо в Тебе обретут справедливость. Блаженны заблудшие, ибо в Тебе обретут спасение. Аминь».

Слово за словом, фраза за фразой молитва срывалась с его потрескавшихся губ. Пальцы сжимались в поисках привычных бусин розария¹, чтобы не сбиться со счета, но самого розария давно уже не было. Сбившись, Гэр только крепче прижал колени к груди и начал снова:

«И вот я потерян во тьме, о Великая Мать, я сбился с пути, укрепи и направь меня...»

Тихая музыка в ушах продолжала искушение. Ничто не могло ее заглушить — ни молитвы, ни мольбы, ни даже те многие гимны, которые Гэр все еще мог вспомнить. Музыка

¹ Розарий — здесь: четки. (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

была повсюду: в ржавом металле стен его камеры, в запахе пота на его коже, в цветах, которые он видел во тьме. С каждым вдохом она становилась чуть громче.

Звонко запели серебряные колокола. Гэр открыл глаза и чуть не ослеп от света, такого белого и яркого, что ему пришлось закрыть лицо руками. Сквозь пальцы он смог различить две фигуры, окутанные сиянием. Ангелы. Пресвятая Мать послала к нему ангелов, чтобы вернуть домой.

— ...Благослови меня и прими под сень свою, даруй мне прощение за все грехи мои...

Стоя на коленях, Гэр ждал благословения. Удар тыльной стороной ладони по лицу отправил его на пол.

— Прибереги псалмы на потом, уродец!

Следующий удар впечатал его в окованную железом стену. Боль взорвалась в виске, и музыка, задрожав, стихла.

— Эй, потише. Здесь он не сможет причинить тебе вред.

Нет. У него не было сил. Магия была слишком дикой, слишком непредсказуемой, чтобы кому-либо надолго подчиняться. Он был беспомощен и без окружения железных стен. Гэр сполз на пол и обхватил гудящую голову руками. *Блаженны заблудшие.*

В его поле зрения появились сапоги с серебряными шпорами. Колесики шпор звенели. Шпоры, не колокола. Вместо одеяний из света перед ним были белые шерстяные плащи маршалов лорда пробста¹. Железные наручники врезались в запястья Гэра, когда маршалы вздернули его за цепь кандалов.

Стены камеры бешено закружились перед глазами, и Гэр снова рухнул на колени.

Выругавшись, один из маршалов пнул его сапогом в крестец.

Второй маршал прищелкнул языком.

— Грех упоминать Ее имя всеу, знаешь ли.

— Хех. Ты присягнул не тому Дому, друг мой. Проповедуешь как истинный чтец. — Еще удар. — Вставай, колдун! Шагай на суд, иначе мы тебя потащим!

¹ Лорд пробст — второе после епископа духовное лицо в кафедральном соборе; пастор главной Церкви.

Шатаясь, Гэр поднялся на ноги. И вышел в каменный коридор, где снова ослеп, попав в полосы солнечного света, лившегося из высоких окон. Маршалы заняли позиции по обе стороны от него, подхватили Гэра под мышки, направляя, а то и волоча по полу, когда юноша спотыкался. Послышалось щелканье ножен и звон шпор. По дороге за ними пристраивались новые маршалы.

Бесконечные расплывчатые коридоры. Ступеньки, о которые Гэр спотыкался, сбивая в кровь босые ноги. Ни секунды, чтобы отдохнуть или перевести дыхание: ему приходилось шагать, чтобы не упасть. Он и так пал дальше некуда. Гэр лишился милости Богини, Она его больше не слышала, и не важно, сколько обрывков молитв было в пропасти, оставленной в нем наплывом магии.

— ...Будь светом мне и укрепи меня в час моей смерти...

— Тихо!

Рука в перчатке ударила Гэра в висок, рывок цепей потащил его дальше.

Коридоры стали шире. Теперь они были обиты деревом. Вместо грубо отесанного камня ноги скользили по мраморным плитам, на стенах появились драпировки.

Последний поворот, и маршалы остановились. Перед ними виднелись темные двери, рядом с которыми стояли чопорные фигуры со штандартами на длинных древках. Порыв ветра всколыхнул ткань, солнечные лучи коснулись вышивки, и святые дубы засияли золотом.

Гэр узнал это место, и ему показалось, что в его желудок упал камень. Эти двери вели в зал совета, где рыцари проводили совещания и церемонии... и где орден оглашал свои приговоры. Колени Гэра подогнулись, цепи зазвенели, когда он рухнул вперед и вытянул руки, чтобы не ткнуться лицом в отполированный пол. Музыка шепнула в последний раз и стихла.

Суд. Слишком поздно надеяться на то, что его пощадят, слишком поздно рассчитывать на что-то, кроме прощения.

О Богиня, смилуйся надо мной!

Массивные двери перед ним бесшумно открылись.

Со своего места в занавешенном алькове Альдеран мог видеть весь зал совета, от караула в парадных накидках, надетых поверх доспехов, до бронзового дуба с множеством кованых листьев, висящего над креслом настоятеля. Дуб сиял в солнечном свете, обильно лившемся из высоких окон. Карниз был достаточно высоко, чтобы не попасть в поле зрения сидящих, занавеси скрывали неудачное движение, которое могло бы привлечь внимание, и все же находиться там было рискованно.

Скамьи вдоль стен были заняты иерархами, величественными в официальном пурпуре, — полный набор, насколько он мог судить, румяных щек и упитанных задниц. Иерархи сплетничали, обменивались кивками и распускали перья.

Альдеран скривился. *И это наследники Эндириона? Первый рыцарь наверняка рыдает в могиле.*

Из боковой двери вынырнули два дьячка, мрачных, как вóроны, в своих черных мантиях. Они заняли места за столами, прислоненными друг к другу, у противоположных стен перед возвышением, на котором стояло кресло настоятеля. Обвинитель начал копаться в бумагах, писец раскладывал перья и готовил чернильницу, чтобы записать для архивов сегодняшние разбирательства. Миг спустя в зале появился настоятель.

Ансель, как всегда, держался прямо, но цвет его густых волос уже сливался с белизной мантии, а рука, сжимавшая обрядовый посох, стала узловатой от артрита.

И вот наконец он встретил врага, которого не в силах победить. Герой Самарака оказался повержен временем.

Рядом с Анселем шагал капеллан, который не изменился, разве что немного поседел с тех пор, как Альдеран видел его в последний раз. Настоятель склонил львиную голову, чтобы шепнуть что-то, предназначенное только для его ушей. Даниляр нахмурился в ответ, затем спрятал сильные руки в рукава и прошел к своему месту, расположенному в первом ряду скамей. Ансель расправил плечи, поднялся по ступеням на постамент и развернулся лицом к залу. Иерархи стихли.

— Я призываю совет к порядку, — провозгласил он. — Давайте же начнем.

Повинуясь движению пальцев Ансея, караульные распахнули двери. Каждый иерарх подался вперед, чтобы лучше видеть, как войдет осужденный. Ладони Альдерана, спокойно лежавшие на коленях, сжались в кулаки. Здесь присутствовали главные офицеры ордена, подчинявшиеся только настоятелю, второму человеку после лектора Дремена.

Вы только посмотрите на них! Глазеют, словно зеваки на ярмарке, которые ждут, когда хозяин цирка выведет к ним раскрашенную даму или двухголового теленка. Надеюсь, Богиня видит, что Ее немногочисленные избранные собираются учинить Ее именем.

В дверях показались два маршала, ведущие спотыкающегося узника. Длинные спутанные волосы и борода почти скрывали его лицо, но не могли скрыть того, что с ним сделали. Обнаженное тело было покрыто синяками. На спине остались рубцы от плетей, одна нога с каждым шагом оставляла кровавый след на черно-белых плитах пола. Когда маршалы подвели его к перилам из красного дерева, ограждавшим место для свидетеля, юноша рухнул на колени, слишком слабый, чтобы стоять.

Курия как один человек затаила дыхание. Некоторые иерархи демонстративно уткнулись в носовые платки, разглядывая осужденного.

Неужели Сювейон настолько отступил от догматов Алмазного шлема? Вернулся к допросам под плетью, запрещенным уже несколько веков? Ярость свивалась в животе Альдерана, как змея, готовая к броску. И это они теперь называют справедливостью?!

* * *

Гэр упал, и острая боль пронзила его ногу. Жужжащая темнота нахлынула со всех сторон, зал совета превратился в водоворот пурпура и солнечного цвета, засасывающий Гэра вниз, на шахматный пол.